

манов — Пуришкевич — Столыпин» — это все ленинские формулировки. После злодейского покушения на Министра-президента в Киеве Владимир Ильич высказался о Столыпине — «умерщвлен», «зверская расправа над крестьянами, истязания их в Саратовской губернии», — напишет вождь пролетариата в 1911 году по поводу порки по приказу губернатора погромщиков и «иллюминаторов». Иллюминациями нарек поджоги помещичьих усадеб революционный интеллигент Герценштейн. Ильич негодовал по поводу розог Столыпина, но в 1919-м — ближайший сподвижник, а по некоторым предположениям и кукловод вождя, Свердлов подписал директиву, «блестяще» исполненную Якиром, о массовом терроре против казачества. За считанные месяцы были зверски уничтожены старики, казачки, казачата — более миллиона русских душ. И никакой реакции великого «гуманиста». А уж Тухачевского, самолетами, тачанками и клинками «разгромившего» тамбовских землепашцев, восставших против поборов, обрекающих детишек на голодную смерть, Владимир Ильич уполномочил сам.

Время каждому выносит приговор. «Коемуждо по делам его», — гласит Библия. Сейчас в Киеве восстановлено надгробие Петра Аркадьевича. Оно было осквернено победителями, как и склеп князя Багратиона на Бородинском поле, как рака преподобного Серафима Саровского, как несчетное количество русских национальных святынь. Настал час собирать силу России.

Великие предшественники россиян живут и страдают с нами, подставляют плечо под груз, несомый Отчизной.

Партия народной свободы (впрочем, более известная под именем конституционно-демократической), «беззастенчиво владея европейской тактикой выборов» (А. Солженицын), обеспечила себе более трети мест на скамьях Государственной думы первого созыва. Профессора-филологи, присяжные поверенные, врачи — уж эта то публика доподлинно знала, что стомиллионному российскому крестьянству не терпится, видите ли, урвать земли казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, а, главное, частновладельческие. Урвать, раздробить, распылить действующие, на ходу, хозяйства помещичьи и монастырские — вот чего громогласно потребовала I Дума.

Умудренный государственным опытом, шестидесятишестилетний премьер Иван

Логгинович Горемыкин, вооружившись чудотворной иконой, добился аудиенции у государя. За совместной молитвой он убедил колеблющегося, в памяти коего польхал отошедший пятый год, неконструктивную Думу распустить. Воспоследовал Высочайший указ от 6 июля 1906 года — в точном соответствии с пунктом 3 Учреждения Государственной думы. Одновременно был предначертан день созыва II Думы — 20 февраля 1907 года.

Совершив задуманное, Иван Логгинович подал на Высочайшее имя прошение об отставке.

Новый Министр-президент, сорокачетырехлетний Петр Аркадьевич Столыпин на основании статьи 87 Основных законов Империи вне сессии Думы 9 ноября 1906 года провел указ «О разверстании общинных земельных владений». Указ был вотирован Думой уже третьего созыва 8 мая 1909 года и с этого момента стал законом. Остаться в мирском «опчестве» или выделиться на отруба — мужик решал своей лохматой головой, а не под маузером Макара Нагульнова. Помещичьи, монастырские и прочие высококультурные хозяйства от посягательств думских экстремистов были оборонены. На время...

Прошедший девяностый год двадцатого столетия стал первым, когда смертность русских превысила рождаемость. А на переломе века в центральных губерниях европейской России, сейчас запустыненных и заселяемых кем угодно, кроме россиян (узбеки на Новгородчине корчуют целину), народ православный плодился и множился. Прирост в 1893 году составил 1,39 процента, а в 1897 — уже 1,81. Причем в Уфимской, Харьковской, Самарской, Оренбургской губерниях эта цифра существенно перевалила за 2 процента. Всего за период царствования последнего русского императора с миропомазания в 1894 году по начало первой мировой войны народонаселение империи возросло со 122 миллионов до 182, то есть на 60 миллионов подданных. Великороссами были трое из четырех. Основу россиян составляли крестьяне. Земля не резиновая. Подушные наделы мельчали. Если учесть, что в пятидесяти губерниях России 47 миллионов десятин пахоты, или 72,5 процента, засеивали крестьяне и только 18 миллионов (27,5 процента) были частновладельческими, то, экспроприировав помещичьи имения, можно было решить проблему обезземеливания сроком лет на десять. Далее все возвращалось на круги своя.